

АНКО

— Саша! Ну же, Саша! Пусти на свою кровать, не будь жадиной.

«Жадиной», — повторил про себя германский принц, усталым взглядом ища злосчастный флакон с кондиционером для волос.

Лучи закатного солнца проникали сквозь высокие круглые окна ванной с рамами крест-накрест и падали точно на водную рябь бежевой ванны с малахитовыми вставками. Анко согнула колени, уткнулась подбородком в выглянувшие черные шарниры и украдкой посмотрела на Сашу, не забывая передавать через взгляд алых глаз негодование от холодности хозяина. Тот наконец нашел нужный флакон среди десятков бутылок в шкафу из черного дерева и вернулся к своему стулу без спинки.

— Нанесешь его сама. Пора учиться мыться самостоятельно. Ты не маленькая, чтобы я постоянно тебя купал.

— Ты меня сделал, принял за меня ответственность, вот и купай теперь, — буркнула она.

Саша сделал вид, что не услышал ее колкость, и поставил кондиционер на стул. У него не укладывался в голове такой простой просчет. А точнее, просчеты: после включения Анко выяснилось, что она не может мыться, есть и одеваться. Зато знает пять языков. Разброс в ее способностях был настолько абсурдным, что Саша не переставал удивляться.

— Я сказала, что не буду мыться сама.

— Тебе осталось смыть шампунь, нанести на волосы кондиционер и прополоскать их.

— Не буду. Почему ты такой злой? Почему не пускаешь к себе на кровать?

— По всей видимости, помимо базовых умений, я не загрузил в тебя еще и понятие личного пространства.

— Что еще за пространство?

Саша включил встроенный в стену душевой гарнитур и направил струю воды точно на голову Анко.

— У каждого человека есть потребность в покое, когда он может заняться чем душе угодно или отдохнуть. Чтобы обеспечить себе это, он создает свое пространство. Не всегда физически существующее. У каждого человека оно свое. Проникновение в это пространство может быть расценено человеком как угроза порядку и покою его мира. Кровать, к примеру, часть моего личного пространства, и ее использование другими я считаю неуважением по отношению к себе.

— Как-то это все слишком сложно! — Анко потеряла интерес к ответу на собственный вопрос после первого же предложения и медленно водила руками под водой, чувствуя приятное сопротивление.

— Говоря проще, у людей есть вещи, которыми они не готовы делиться, потому что считают их своей собственностью. И это не делает их, как ты всегда ворчишь, жадинами. Стоит понять человека, — Саша понизил голос, — и отстать от него наконец.

Он выключил душ и принялся наносить на ее волосы кондиционер.

— Короче, ты просто эгоист. Так бы и сказал.

— Нет же, — устало протянул Саша, вновь включая душ.

Он уже не мог скрывать то, как его выматывала любопытная, неугомонная, временами наглая Анко. Провести бы в тишине хоть пять минут, но с тех пор, как в его жизни появилось это на первый взгляд хрупкое, но на деле смертоносное создание из облученного энергией ЗНР металла, тишину он мог послушать лишь ночью, и то при условии, что уступит ей кровать.

— Нет, эгоист, — твердила Анко.

Саша не собирался больше спорить и решил наглядно продемонстрировать это молчанием. Он уже не раз убеждался: чем

больше будет доказывать свою правоту, тем с большим упрямством она будет настаивать на своем мнении.

— Ты даже не похвалил меня за рисунки, — обиженно напомнила она.

— Они мне не понравились. Не хотел расстраивать тебя критикой.

— И что же тебе не понравилось? — выдержав паузу, спросила Анко с нотками угрозы.

— Желтое гигантское солнце в космосе — это нереалистично. Желтым, оранжевым и даже красным его делает так называемое «атмосферное рассеяние»*. В зависимости от времени суток — в большей или меньшей степени. Настоящий цвет солнца — белый, и из космоса оно выглядит как ослепительный белый шар.

— Зану-у-уда! Ты станешь плохим отцом.

— Я не планирую им становиться.

— Вот и хорошо. Вот и правильно. Спасешь детей от своего занудства.

Обиделась, со сдержанным смешком понял Саша. Он знал, что надолго ее не хватит. Впереди ужин, и только от него зависело, получит ли упрямица свой любимый батат с паштетом из авокадо, или, как это бывало, будет есть любимые принцем сэндвичи с ветчиной, сыром, ананасом и зернами граната. Анко не одобряла его предпочтения в еде, считая их отвратительными и невыносимыми, но угодить ей всегда и во всем он больше не мог: со временем она стала наглеть и повышать на него голос. Обуздать ее бунтарский, неуправляемый дух можно было только ограниченным выбором и молчанием. Рано или поздно, выплеснув возмущение и осознав, что ответа ждать не стоит, Анко успокаивалась. Попытки успокоить или угодить только раздували ее самолюбие.

Когда Саша смыл кондиционер и с мытьем волос было покончено, он взял из шкафа свернутое в трубочку белое полотенце и протянул Анко.

— Вставай. Мы закончили.

* Мы смотрим на Солнце сквозь воздух — через всю атмосферу Земли. Когда лучи света проходят сквозь атмосферу, длина волны меняется, поэтому мы видим Солнце не белым.

Анко выпрямила ноги и легла в воду по подбородок. Она на секунду перевела на него хмурый взгляд, а затем вновь уставилась в потолок.

— Там уже должны вот-вот подать ужин, — напомнил Саша, глядя в сторону, — и, кто знает, быть может, если ты будешь вести себя хорошо...

Не успел он договорить, как в него полетели брызги воды, и черная рубашка с закатанными рукавами покрылась влажными пятнами. Ошарашенный внезапностью атаки, Саша уставился на довольную собой Анко.

— Ах ты! — с наигранной злостью воскликнула она, повиснув над бортиком и не сдерживая улыбку. — Решил подкупить меня любимой картошкой? Вот тебе!

Она набрала в ладони воды и брызнула ему в лицо так, что Саше понадобилось не меньше трех секунд, чтобы прийти в себя. Стоило протереть глаза, как он вновь попал под шквал мелких брызг, сопровождающихся победным девичьим возгласом: «Вот тебе, вот!»

— Что за ребячество? — возмущенно воскликнул он.

— Говоришь как злобный старик. А может, так и есть? Может, ты старик в теле подростка? — Она вцепилась в бортик. — Какой у тебя... э-э-э... ментальный возраст? Пятьдесят? Или сто пятьдесят?

Саша схватил со стула полотенце, оставленное для Анко, и вытер им лицо.

Несносная девчонка. Неоднократно он пожалел о том, что решил впустить ее в свою одинокую жизнь. Он даже уже не мог вспомнить, почему решился на это. Из жалости? Он проникся жалостью, в сущности, к искусственному интеллекту, который знал пять минут, и когда тот оказался не нужен, вместо того чтобы разобрать его на детали и пустить их в работу над другими проектами, недолго думая, принял одно из самых судьбоносных решений в жизни — оставить его себе. Сделать частью крохотной зарождающейся семьи, которую он давно потерял. Дать японское имя, дабы сохранить ее корни, и принять в свой дом. Несмотря на тяжелый характер Анко — по сути, ребенок, коим и была Томико

Маруяма при жизни, — он с теплом готовил для нее маленькие подарки и наслаждался проявлениями ее радости.

— Ладно, — Анко оттолкнулась от бортика, — я готова выходить.

Он положил полотенце на стул, резко опустил руки в ванну и плеснул водой в Анко. На долю секунды его лицо озарила редкая широкая добродушная улыбка, каждое появление которой было для Анко настоящим праздником. В такие моменты казалось, что воздвигнутая Клюдером стена исчезала, и она могла резвиться сколько влезет.

Следующие недолгие отрадные минуты прошли в водных играх, полных смеха и девичьих визгов. Но наступил момент возведения новой стены. Саша больше не улыбался, и пыл его, мокрого по пояс, с распущенными слипшимися волосами, окончательно иссяк. Он обтер голову полотенцем, положил для Анко новое и молча вышел из ванной комнаты.

Анко жалобно свела брови и вновь согнула колени, обняв их руками. Одиночество, в котором старался оставаться Саша, было ей совершенно непонятно, и она не могла найти ни одной обоснованной причины, чтобы вести себя так отрешенно, заниматься сложными взрослыми делами, отказываться от любых развлечений и из улыбок позволять себе лишь ехидные и насмешливые. Анко казалось, что Саша почему-то боится проявлять себя с лучших сторон и, как черепаха, засел в неприступном панцире, который назвал личным пространством.

«Ну почему он такой? Почему не может быть другим? Почему такой взрослый, хотя еще подросток?»

И тогда она наконец поняла причину: «А может, ему пришлось рано повзрослеть?»

ПОСЛЕДСТВИЯ

После выступления журналисты обступили Анджеллину со всех сторон, не давая ей, взволнованной до дрожи, выбраться из зала.

Это было похоже на безумие. От десятков маячивших в свете прожекторов лиц голова шла кругом. Один раз кто-то чуть не врезал ей микрофоном. Вопросы сыпались ежесекундно, смешиваясь с неумолчным щелканьем камер и возгласами охранниц. В тот момент принцессе хотелось только одного — выбраться из этого водоворота и оказаться в тихом месте, чтобы хорошенько обдумать произошедшее.

Но Анджеллина чувствовала себя в ловушке. Все сказанное перед камерами и журналистами, транслировавшими ее слова на весь ошарашенный мир, казалось вымыслом и остатком растворяющегося в памяти сна.

Она призналась в этом. В том, что ЗНР стало ее частью. В том, что, возможно, отныне она и есть его живое неуязвимое воплощение. Но надолго ли?

Охрана окружила ее и шаг за шагом вывела из зала в комнату для подготовки к выступлениям. Следом туда зашла мать.

По ее побледневшему лицу и вытаращенным глазам сложно было определить, зла она или до смерти напугана. Даже когда она выкрикнула имя дочери и принялась в раздумьях ходить по комнате, Анджеллина все еще не представляла, к чему ей готовиться.

Наконец Лавиния вдохнула полной грудью, выпрямилась и села в кресло напротив растерянной дочери.

— Зачем ты рассказала об этом? — Она пыталась унять дрожь в голосе, но тщетно. — Теперь они не отстанут от тебя. Я не уверена, что смогу тебя защитить, если только не отправлю на другой конец света и не запру в каком-нибудь бункере.

Она качала головой, смотря куда-то в сторону, и нервно прикусывала нижнюю губу.

— Прости, мама, — начала отвечать Анджеллина бесцветным голосом. — Я... Я думаю, что пора раскрыть правду. Теперь все знают о первопричине войны в Германской империи и об охоте на ЗНР. А учитывая, что отныне им владею я, они не станут...

— Да они на части тебя разберут! — Лавиния подалась вперед, и глаза ее наполнились слезами. — Мировой Совет отправит тебя на исследования под предлогом защиты и профилактики и выпотрошит, пока не найдет это проклятое ЗНР или не выяснит, как оно на тебя влияет, а твою смерть — не дай боже! — преподнесут как несчастный случай.

— Но я же живой человек. Они не опустятся до такого зверства.

— Ты очень плохо знаешь Мировой Совет. Мало кто из стран останется в стороне, а даже если и останется, то будет пристально за тобой наблюдать.

Неуемный страх поселился в глазах Анджеллины, и мать, растроганная до слез, под села к ней и обняла дочь, поглаживая по волосам. Она заговорила тише, но оттого страх, горечь, злость и в то же время материнская любовь чувствовались Анджеллиной лишь сильнее:

— Неужели, доченька, ты думала, что после такого тебе позволят спокойно жить как раньше? Это все нужно объяснить. Заявить о неудачной шутке, дезинформации, да о чем угодно, лишь бы замылить им глаза и отвести от тебя внимание.

— Думаешь, они убьют меня? — прошептала Анджеллина.

— Я не позволю им даже пальцем к тебе притронуться, милая. Пусть только попробуют. Мне плевать на ЗНР, войну и интриги, которые они тайно плетут, нося маски непогрешимости и благородства, но если они хотя бы заикнутся о какой-нибудь проверке или эксперименте, я их убью.

— Мама! — Анджеллина отстранилась от нее. — Это не достойно королевы.

Лавиния ласково провела ладонью по ее щеке.

— Про титул можно забыть, когда речь идет о безопасности твоего ребенка. Но ты права, я вспыхнула. Учитывая, что ты принцесса Делиуара, который, по сути, принадлежит Марголисам, они вряд ли будут напирать и постараются сначала мягко намекнуть на обследование. Я поговорю с Дирком. Он поможет нам замять эту тему. Но отныне ты никуда не выйдешь без охраны. Прошу, только без твоих побегов, хорошо? Ситуация очень напряженная, я бы даже сказала, опасная, и ты должна безвылазно сидеть во дворце, пока все не устаканится.

— Ты думаешь, они поверят в то, что я все придумала?

— Как минимум им придется сделать вид из уважения к Дирку. Но опасность сохранится.

— Я все равно считаю, что поступила правильно. Быть может, навлекла на себя беду, но теперь исход войны может измениться. Великобритания под давлением Мирового Совета может отступить.

— Ох, доченька. Ты такая наивная, что душа разрывается от одной только мысли, сколько разочарований тебе предстоит пережить. Мировой Совет вряд ли что-то сделает.

— Что ты имеешь в виду?

К ним трижды постучались, и в дверной проем просунулась охранница со словами:

— К вам пришел Саша Клюдер и настойчиво требует встречи.

— Мы сейчас не готовы...

— Нет, пусть заходит! — перебила мать Анджеллина и взяла ее за руку. — Позволь поговорить с ним наедине.

— Я хочу остаться. Отныне мне нужно знать обо всем, что тебе говорят.

— Тебе лучше выйти и успокоить журналистов.

Лавиния скривила губы.

— Хорошо, я что-нибудь придумаю.

Она поцеловала дочь в лоб и вышла из комнаты. Гомон журналистов за дверью усилился и отчетливо слышался, даже когда в комнату зашел Саша и закрыл за собой дверь на замок.

Анджеллина смяла брюки в кулаках и опустила виноватый взгляд. От судорожного вздоха принца сердце тревожно сжалось в преддверии разговора.

— Я не буду ругаться... — начал Саша приподнятым, но напряженным тоном, почти задыхаясь от волнения, точно пытался что-то внушить себе или сдерживался. — Это будет некультурно и некомпетентно с моей стороны кричать на королевскую особу... Даже если та поведала всему миру секрет и не только обесценила мои двухмесячные страдания в плену, но и подвергла опасности себя и целое государство!..

— Простите меня, Саша!

— Простите?! — удивленно уставился на нее он и встал напротив, качая головой. — О, принцесса, если бы проблемы можно было решать так незатейливо! Вы просто... Просто... Я считал вас умным человеком, а вы оказались легкомысленной дурочкой, которая руководствуется эмоциями, а не логикой!

— Дурочкой?! — Она вскочила с места. — Да вы... Да как вы?.. Грубиян! Невелика разница между вами и уличным необразованным...

— Ты даже не представляешь, что натворила! Я два месяца молчал под нечеловеческими пытками, а ты взяла и...

— А никто и не обязывал вас молчать. Кто же виноват, что вы такой упрямый? И с каких это пор мы перешли на «ты»? Я вам этого не разрешала.

— О, простите мою оплошность! — Саша развел руками, и на секунду его лицо скривили насмешливая улыбка и жалобно вскинутые брови. — Нелегко соблюдать формальности, когда из-за эмоций одной легкомысленной принцессы к чертям летит судьба твоей страны.

— Я хотела как лучше! Я думала, что тем самым сбавлю градус напряжения.

— Тогда я начинаю сомневаться в ваших умственных способностях. Если такой метод кажется вам спасением положения, то что же вы тогда можете назвать его разрушением?